

Т. Н. Жуковская

PEREGRINATIO ACADEMICA: ПОДГОТОВКА ПРОФЕССОРАНТОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ЕВРОПЕ В НАЧАЛЕ XIX В.*

Peregrinatio academica, дословно — академическое путешествие, путешествие с ученой целью (*лат.*), принятая в европейском Средневековье традиция перемещения студентов из одного университетского города в другой в поисках лучших условий. Не будь этого явления, не было бы знаменитых «вагантов», бродячих студентов, не прибывших ни к одному университету.

Распространение университетской культуры в России трудно представить без сложившейся еще в XVIII в. практики обучения русских студентов за границей. Статистика русских студентов, обучавшихся в Германии в XVIII — начале XIX в., обобщена А. Ю. Андреевым [1], однако чрезвычайно мало сказано о русских стипендиатах, готовившихся за границей к профессорскому званию, т. е. уже окончивших полный курс наук в России, и в особенности о стипендиатах Петербургского университета. В то же время подготовка к профессуре за границей применительно к пореформенному университету исследовалась Е. В. Соболевой [2].

Для рассматриваемой нами группы профессорантов их целенаправленное перемещение на несколько лет в университеты и научные центры Европы происходило в интересах и на средства направившего их столичного Педагогического института, в перспективе его ожидаемого преобразования в университет, и было частью правительственной программы подготовки к профессуре. В определенной степени оно воспроизводило в новых условиях принятый уже в Академическом университете XVIII в. опыт командировать окончивших его студентов за границу для завершения их научной подготовки, но было более продолжительным, персонифицированным и строго регламентированным как с административной, так и с научной стороны. В первые годы XIX в. все существующие в Российской империи университеты направляли отдельных своих студентов в университеты Европы, чаще по их собственному ходатайству, но петербургский педагогический институт осуществил именно массовую отправку в соответствии с долговременной программой. В первой партии, отправленной в июне 1808 г., было 12 бывших студентов первого выпуска института, «отличных дарованиями и знанием иностранных языков», через 2–3 года за ними могли последовать лучшие студенты второго выпуска. Успех этого плана облегчался тем фактом, что все стипендиаты принадлежали к числу казеннокоштных студентов, которых в институте было подавляющее большинство. Они, как правило, происходили из духовного звания, прежде учились в семинариях, т. е. изначально после института были «обязаны

Жуковская Татьяна Николаевна — канд. ист. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: tzhukovskaya@yandex.ru

* Статья подготовлена при поддержке проекта «Столичный университет в фокусе государственной политики России (1819–1917)» ДЦП «Научные и педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы (Мероприятие 1.2.2) ГК № 14740.11.1112.

© Т. Н. Жуковская, 2013

службою» по Министерству народного просвещения. Профессорская карьера для них, субъективно, была наиболее привлекательным поприщем и социальным лифтом, объективно же только таких студентов в то время и можно было успешно «мобилизовать» в науку, на пожизненное служение. Дворяне предпочитали «пребывать» в университете не оканчивая его, а окончив, избирали дипломатическую или военную карьеру, которую ставили выше академической.

Программа подготовки русских профессоров за границей. Масштабная реформа системы образования Александра I, связанная с почти одновременным открытием в разных частях империи шести университетов, поставила задачу обеспечения их со временем преподавательскими кадрами «из природных россиян». Отправка в Европу 12 стипендиатов петербургского педагогического института приобрела не локальное, а общероссийское значение. Решение об этом, как можно судить по документальным источникам, было принято в прямой связи с посещением Института императором Александром I в сентябре 1807 г., обставленным весьма торжественно и вместе с тем деловито [3, с. 79–80]. Многие из будущих стипендиатов в его присутствии читали лекции, вернее, вели уроки по своему предмету, так как первоначально готовились к учительской должности. Идея отправить лучших студентов в Европу для подготовки из них профессоров, которые в скором будущем заполнят кафедры столичного университета, была предложена попечителем столичного учебного округа Н. Н. Новосильцовым в проекте, названном «Начертание об отправлении студентов С.-Петербургского педагогического института в чужие края». Основная часть проекта датирована 1 сентября 1807 г., а 23 мая 1808 г. окончательный план, включавший 12 стипендиатов, был высочайшее утверждён [4].

В составе «начертания» целый комплекс документов: вводная записка попечителя, ставшая основой соответствующего законодательного акта [5, стлб. 529–545], подробные персональные инструкции каждому из профессорантов, «соображения» профессоров об индивидуальных программах их подготовки и возможных консультантах, сопроводительные письма к европейским ученым и дипломатическим представителям России за границей, образцы заграничных паспортов и т. д.

В самом начале пространной записки Н. Н. Новосильцова звучит мысль о том, что существующий Педагогический институт может стать центром подготовки профессоров не только для «предопределенного» в столице университета, но и для других университетов империи. «Высочайшими постановлениями по части МНП предопределено в здешней столице учредить Университет, коему и штат утверждён Государем Императором. СПб Педагогический институт есть отделение сего Университета... Главный предмет при образовании Университета есть доставление сему заведению профессоров и адъюнктов», коих «всеми существующими способами» нужно приготовить «из природных россиян». Студенты 1-го отделения Педагогического института «наилучшим образом соответствовать могут сему намерению, как приобретшие важные сведения, открывающие им путь к достижению высших ученых степеней. По сему уважению предполагается на счет суммы здешнего Университета послать в чужие края 12 студентов, отличных дарованиями, знаниями наук и иностранных языков» [4, л. 21–22 об.]. В представлении на имя министра народного просвещения Н. Н. Новосильцов аргументировал необходимость посылки стипендиатов потребностью завершения периода «строительства» университета. «Предметом их пребывания в чужих краях, — писал он, — будет то, чтоб усовершенствовать себя в науках, по которым могли бы они

в будущем университете занять места адъюнктов и профессоров для составления, по крайней мере, двух полных факультетов: нравственно-политического и физико-математического» [6, л. 1–2]. Программа попечителя была одобрена министром 28 марта 1808 г.

Предположение Новосильцова об особой роли Педагогического института, в общем, было реализовано, хотя, отправка новых партий стипендиатов в Европу по условиям военного времени затруднялась и была возобновлена только в 1816 г. Однако Педагогический институт, основанный как отделение будущего университета, в течение полутора десятилетий выполнял миссию общероссийского центра подготовки учителей для гимназий и уездных училищ, а также функции «профессорского института», поставляя кадры профессоров в другие университеты империи, не исключая окраинный — Дерптский.

Полноценная подготовка к профессуре «всеми возможными способами», по мысли кураторов просвещения, могла завершиться только в Европе. Н. Н. Новосильцов после обстоятельных консультаций с членами Академии наук и профессорами Института (среди них были Н. И. Фус, К. Ф. Герман, М. А. Балугьянский) составил подробную инструкцию для молодых людей, командировавшихся за границу. Трехлетний срок обучения был расписан в ней на семестры, и каждому из профессорантов предписывалось специализироваться в той или иной науке определенное количество времени, перемещаясь из одного центра в другой (см. таблицу).

Среди утвержденных кандидатур были лучшие по успехам и поведению молодые люди, которым к моменту окончания института исполнилось по 24–26 лет. 7 из 12 стипендиатов (Н. И. Бутырский, А. И. Галич, А. П. Куницын, М. Г. Плисов, А. В. Ржевский, М. Ф. Соловьев, Д. С. Чижов) по возвращении и утверждению в звании магистров начали преподавать в самом Институте, а в 1819 г. составили костяк профессорской корпорации образованного на его месте университета.

18 мая 1808 г. попечитель представил окончательное «Начертание об отправлении студентов Педагогического института в чужие края» с росписью, кто из них по какой науке и в каких научных центрах будет специализироваться каждый год обучения. Роспись эта весьма детальна. С отпечатанными паспортами и рекомендательными письмами студентам надлежало отправиться: «Кайданову в Геттинген, Галичу в Гельмштедт и Геттинген, Плюсову в Геттинген, Гейдельберг и Париж, Куницыну в Геттинген, Гейдельберг и Париж, Бутырскому в Геттинген, Париж, Вену и др. города Франции и Германии; Чижову в Гельмштедт, Галлу, Геттинген и Париж, Воронковскому в Геттинген, Берлин, Лилиенталь, Вену, Милан и Париж. Ржевскому в Париж, Вену и Зальцбург, Кастальскому в Германию, Францию и Италию, Подзорскому в Геттинген и Берлин» [6, л. 38]. Как видим, география стажировок была задумана всевропейской. Предполагалась подготовка в лучших университетах Германии, Австрии, Италии, Франции. Англию в последний момент из географии стажировок пришлось исключить, поскольку в июне 1807 г. Россия вступила в союз с наполеоновской Францией, направленный против Англии.

Профессорами института кроме рекомендательных писем к европейским ученым были составлены персональные «наставления» отъезжающим: какие отрасли избранной науки должны наиболее их заинтересовать — в расчете на необходимость постановки преподавания этих отраслей в будущем. Н. Н. Новосильцов активизировал собственные академические и дипломатические связи, которые им и другими

«Росписание, где именно отправленным в чужие краи студентам Педагогического института в продолжение трехлетнего путешествия их надлежит находиться, и за какое время поныне выдано им содержание» [4, л. 1–1об.]

Имена студентов	Где назначено им находиться			За какое время выдано им содержание	
	В первый год	Во второй	В третий год	за 1-й год	за 2-й год
Бутырский для словесности вообще и в частности, для эстетики	В Геттин	гене	В Париже, Вене и др. городах Франции, Германии и Англии	За первый	За одну треть вперед, считая с 1 июня сего 1809 г.
Куницын для дипломатики	В Геттингене	В Гейдельберге	Во Франции и Англии	год	Тож
Плисов для экономии политической и коммерции	Тож	Тож	Тож	полное получили содержание	Тож
Галич для философии	в Гельмштет	= // =	в Геттинген	=//=	=//=
Кайданов для истории, географии и статистики	в Геттинген	=//=	=//=	=//=	=//=
Подзорский для технологии и сельского домоводства	в Геттинген	В Берлин	в Англии и России	=//=	=//=
Карцов для физики и прикладной математики	в Иене	Галле	В Париже	=// =	за две трети вперед
Чижов для чистой математики	В Гельмштетте Галле, Ге	-тингене и	Париже (без росписи по годам)	=//=	за одну треть вперед
Ржевский для зоологии	2 года в чужих	краях, и больше в Париже,	3-й путешествовать по России	=//=	За 2 трети вперед
Кастальский для ботаники и минералогии	В Геттингене	В Берлине и Регенсбурге	В Париже и Англии	=//=	За одну треть вперед
Воронковский для практической астрономии	В Геттингене	=//=	В разных городах Германии, Милане, Париже и Англии	=//=	За одну треть вперед
Соловьев для химии	В Берлине	В Париже	В Лондоне	=//=	За две трети вперед

попечителями учебных округов использовались при приглашении в Россию ученых-иностранцев. Благодаря этим связям и налаженной переписке со своими питомцами Конференция института могла направлять их перемещение по Европе, облегчать научные контакты, корректировать список обязательных и дополнительных курсов, ими взятых, контролировать характер научных занятий, круг чтения, поведение, состояние

здоровья, денежные расходы. За границу молодые люди отправлялись уже в статусе магистров, «заслуженном ими во всех отношениях», содержание их было рассчитано исходя из магистерского жалования, равного 400 руб. Правда, в официальной переписке они продолжали именоваться студентами в течение всего «академического путешествия» и даже по возвращении, но сама стилистика обращений к ним Конференции демонстрирует уважение, подчеркивающее отношения равных с равными, принятые в ученом сообществе. И секретарь конференции, и сам министр обращаются к ним по имени-отчеству, с прибавлением неизменного «милостивый государь мой», хотя, как известно, многие из студентов — выходцы из беднейшего духовенства, в прошлом семинаристы. Сами они с тем же достоинством обращаются к Конференции, витиевато, соблюдая принятый этикет, пишут к министру. В этих документах еще не заметна регламентация делового письма, установившаяся в следующие десятилетия, в том числе в университетском делопроизводстве и корреспонденции.

Студенты, согласно инструкции Новосильцова, препоручены были «на местах известным по своим правилам и роду жизни профессорам, корреспондентам здешней Императорской Академии наук, или почетным ее членам и министрам российского двора» (т. е. российским дипломатическим представителям за границей). Они обязывались присылать в Конференцию института «через каждые 3 месяца подробные донесения о своих занятиях».

Содержание студентов за границей определялось из сумм, зарезервированных до открытия в столице полноценного университета (поэтому в финансовых отчетах самого Педагогического института эти суммы не показывались). Часть денег за треть или две трети первого года стажировки студенты получили еще в России. На всех первоначально была определена сумма в 18 тыс. руб. ежегодно, т. е. всего 36 тыс. [6, л. 3–3 об.], но в итоге она была значительно превышена. Не погружаясь в предварительную роспись предполагаемых расходов и коррективы, внесенные в нее из-за инфляции и превышения сроков стажировки, скажем, что всего на 12 профессорантов за 3 года их пребывания за границей было затрачено около 80 тыс. руб. Для сравнения: это в 1,5 раза больше годового штата, определенного Педагогическому институту в первые годы его существования, и сопоставимо с суммой, ежегодно отпускаемой в это время из казны на Дерптский или Харьковский университеты. Другими словами, государство с расходами на европейскую подготовку профессоров «из природных россиян» не посчиталось.

Петербургские профессоранты в Европе (1808–1811). Об истории трехлетней научной стажировки командированных мы имеем довольно подробные сведения, заключенные в их собственных отчетах, посылаемых в Конференцию Педагогического института. Это несравнимо больше, чем мы знаем о стипендиатах XVIII в., имевших отношение к Академии наук или Московскому университету. Сохранились отчеты и письма из-за границы практически всех молодых людей, посланные в Конференцию института, на имя попечителя и даже министра. Наиболее обстоятельными и регулярными были донесения Н. К. Кайданова, М. Ф. Соловьева, А. П. Куницына, особенно же Н. К. Воронковского — с отчетами о его занятиях а также ходатайствами и просьбами. Дело в том, что почти всем профессорантам пришлось в условиях военного времени, а также по недостатку средств, нужных курсов или профессоров довольно часто отклоняться от предписанного плана и согласовывать эти отклонения с Петербургом. Так, специализировавшийся в астрономии Николай Кириллович Воронковский сообщал Конференции 6 июля 1809 г. из Геттингена: «Что же касается до практической астро-

номии, то еще и до сих пор не начинал, ибо проф. Gauss... никаких астрономических лекций не читает. Не видя никакого другого средства слушать сию науку, хотелось бы взять у него *privatissima*, но услышав от него, что это стоит 12 луидоров, т. е. 65 талеров за 5 ½ месяцев, принужден был оставить мое намерение, поелику сумма сия составляет почти половину третнего моего жалования: по причине худого курса и большой в Геттингене дороговизны» [7, л. 2–2 об.]. Конференция в ответ выражала удивление, что вместо предписанного слушания курса у проф. Бодде в Берлине Воронковский все еще находится в Геттингене. Попечитель со своей стороны также внушал Воронковскому, чтобы тот «непременно следуя наставлению, Вам данному, по выслушании в настоящий семестр курса (буде Вы начали)», отправился в Берлин [7, л. 3]. Воронковский отвечает, приводя безупречные с научной и экономической точки зрения аргументы: «По уверению профессора Gauss, г. Bode по причине своей старости, а больше по избытку должностей, возлагаемых на него королем, с довольно долгого времени не читает уже публичных лекций, а ежели бы мне удалось упросить его давать мне *privatissima*, говорил Гаусс, то он бы мне стоил гораздо больше, нежели здесь, и потому самому принужден был я остаться в Геттингене» [6, л. 166–167].

24 мая 1810 г. Воронковский писал: «Почтеннейшие члены Конференции! На основании данной мне инструкции имею честь донести вам, что в течение прошедшего году... занятия мои составляли следующие науки. У проф. Thibaut летом слушал я науку о комбинациях и практическую геометрию, а у профессора Gauss зимою прямолинейную и сферическую тригонометрию в отношении к астрономии, теорию вышших уравнений, науку интерполирования и теоретическую астрономию, что же касается до практической, то по причине мрачных ночей, которые здесь почти во все продолжение зимы были, он ее не преподавал» [6, л. 167].

Воронковскому пришлось изменить график не только второго, но и третьего года стажировки, которая, согласно плану, должна была закончиться во Франции. Будучи неудовлетворен своей полугодовой работой во Франции и надеясь снова вернуться в Геттинген, он писал 3 февраля 1811 г.: «Следуя предписанию почтеннейшей Конференции, отправился в Париж. Проживши здесь 6 месяцев, ...не имея никакого руководства и, следственно, без существенной пользы, увидел, наконец, при открытии курсов, что и здесь мне невозможно достигнуть моей цели, ибо практической астрономии ни приватно, ни публично никто не преподает, и вход в Императорскую обсерваторию для студентов столь труден, что даже и имея короткое знакомство с профессором, не можно ходить столь часто, сколько бы это нужно... и притом профессор... бывает очень занят, студенту невозможно пользоваться надлежащим образом его наставлениями». В связи с этим Воронковский просил о продлении срока стажировки еще на 2,5 года, разрешении на возвращение в Геттинген под руководство Гаусса и о присылке ему дополнительно годового содержания. Только тогда, как заверял он Конференцию, он мог бы «приобрести такие сведения в астрономии, с которыми... возвратиться в Россию для исполнения имеющей быть возложенной на меня должности, и, желая приносить ощутимую пользу моему отечеству» [7, л. 7–7 об.].

Маршруты «академических путешествий» изменялись и у других профессорантов. В феврале 1811 г. Я. И. Карцов сообщает Конференции, что в последний год своего путешествия он тоже вынужден был вернуться в Германию в университет Галле, проведя в Париже несколько месяцев напрасно и не найдя нужных руководств и консультантов в области прикладной математики [8, л. 2–2 об.].

Очевидные научные преимущества немецких университетов корректировались условиями военного времени. Если в первой половине 1807 г., когда составлялась вышеупомянутая инструкция Новосильцова, судьба немецких государств еще не была предreshена, то в 1807–1810 гг. многие из них были оккупированы Наполеоном, а иные университеты закрыты. Немецкие ученые вынуждены были сами перемещаться по Европе в поисках заработка и возможности заниматься наукой, и пути их не миновали Россию (подробнее см.: [9, с. 22–37]). Франция после Тильзита стала основным союзником России, а Австрия и Пруссия, наоборот, оказалась в лагере противников. С точки зрения развития европейских научных связей это была невыгодная замена, кроме всего прочего еще и потому, что сама система образования и науки во Франции при Наполеоне переживала период неудачных реорганизаций. Пребывание российских студентов в Германии в эти несколько лет лишилось и прежнего удобства, и официальной опеки дипломатических представителей России, и превратилось исключительно в частное предприятие. Все они оказались в бедственном материальном положении, поскольку при нерегулярном получении денег из России могли рассчитывать только на займы у богатых соотечественников, русских дипломатов, и вынуждены были входить в долги, покупая книги, слушая лекции или пользуясь консультациями и библиотеками. Политическая нестабильность стала одной из причин невыполнения многими из них предписанной программы стажировки и мотивом просьб о ее продлении.

Н. К. Воронковский отважился просить об этом самого министра народного просвещения А. К. Разумовского в личном письме 5 сентября 1811 г.: «Позвольте мне возвратиться в Россию позже, но с тем большею для нее пользою. Не откажитесь составить чрез сие вечное мое щастие. Сжальтесь над согбенными под старостью лет моими родителями, кои дышат одною только надеждою видеть меня некогда полезным членом общества» [6, л. 168].

Стипендиаты подкрепляют необходимость продлить стажировку чисто академическими аргументами: курс наук начат позже или затянулся не по вине стипендиата, но должен быть окончен, рекомендованный «инструкцией» профессор стар, но рядом (или в другом университете) появилось новое светило, у которого хотелось бы взять частные лекции за сходную плату. Стремление молодых людей задержаться в Европе хотя бы на несколько лишних месяцев объясняется не только незавершенностью научной программы, но и осознанием контраста русского и европейского быта и стиля отношений, в том числе академического. Они не могли не почувствовать того «духа свободы», который подкупал всех русских путешественников XIX в. за границей. Болезненным был и разрыв личных и научных связей при возвращении на Родину накануне ожидаемой войны. У того же Воронковского за время стажировки появилась гражданская жена (сожительница), о которой упоминает Н. И. Тургенев в своих геттингенских дневниках.

Н. К. Воронковскому удалось испросить продления стажировки на 6 месяцев и присылки дополнительных денег. Дальнейшая судьба этого человека остается для нас не ясной, видимо, он не успел вернуться на родину до начала Отечественной войны 1812 г. Последнее донесение российского дипломатического представителя в Германии от декабря 1811 г. говорит о том, что студент Воронковский «сделался сильно болен», и отправить его на родину пока нет возможности. С июня 1812 г. в документах Министерства народного просвещения его имя не упоминается.

Степан Подзорский также просил позволения задержаться в Пруссии, где после

открытия Берлинского университета были начаты новые курсы технологи и экономии, которые он прежде не мог прослушать [10, л. 1–2, 11–12]. Витиеватость стиля его обращений к министру А. К. Разумовскому достойна того, чтобы их воспроизвести. 26 января 1811 г. он писал: «Сиятельный граф! Какое искусство я должен употребить при испрошении от Вас сего соизволения? Чем прикрою пред глазами Вашими ту необходимость, что к продолжению сего курса в числе прочих Елевов я должен также иметь сумму по крайней мере четырех сот талеров? В надежде, что Ваше правосудие не требует искусства и хитрости в истине, я лобызаю уже Вашу руку, благословляющую мое намерение...». К своему обращению Подзорский приложил рекомендацию берлинского профессора практической экономии Тера, который подтверждал, что студенту необходимо слушать его лекции еще один семестр 1811 г. [10, л. 8]. Просьба Подзорского была удовлетворена: он получил из Петербурга разрешение на продление стажировки и присылаемые 400 талеров на оплату лекций и проживание.

Эти примеры говорят о достаточной свободе перемещения русских профессорантов за границей, свободе выбора лекций и профессоров, у которых они проходили подготовку, по необходимости отклоняясь от первоначальных инструкций. Вместе с тем, приведенная переписка свидетельствует о внимательной и постоянной опеке их со стороны *alma-mater* и ведомственного начальства.

В Германии и Франции студенты вели самый скромный образ жизни, употребляя почти все полученные деньги на оплату лекций, книги, приборы и опыты. При этом во всех издержках до последнего пфеннинга или сантима они отчитывались перед Конференцией. Это позволяет представить образ жизни «русского стипендиата». Для Воронковского, обучавшегося в Геттингене и посылавшего в Петербург подробные перечни расходов, наибольшие траты составляли переезды, а также *privatissima* (частные курсы), взятые у разных профессоров, приобретение книг и приборов, уроки разговорного языка. Так, в первый год стажировки из полученных за две трети года денег Воронковским было издержано почти 900 руб. на дорогу до Геттингена — через Ригу, Ревель и Берлин и покупку дорожных вещей. Остальные деньги после обращения в векселя и обмена на немецкую монету были издержаны следующим образом (далее счет идет в немецких талерах): «проректору за принятие в университет запл[ачено] 8»; за квартиру «с дровами, свечами, прислужгой, столом, мытьем белья и чищением сапог» в следующие полгода — 175; профессору за лекции, за английский и французский язык — 79; на книги — 30. На некоторые математические инструменты — 10. На бал, данный в Геттингене в честь рождения российского императора, на который как пишет Воронковский, он «согласил всех русских, в том числе курляндцев, лифляндцев, эстляндцев и финляндцев», потрачено 5 талеров в качестве взноса. На путешествие по Гарцу — 20. На обувь, белье и верхнее платье — 70. На необходимые мелочи, так и на позволенные удовольствия — 34. [Итого] 434» [7, л. 5–5 об.]. За 10 месяцев пребывания во Франции с мая 1810 по март 1811 г. Воронковский из полученного содержания истратил: «на проезд от Геттингена до Парижа — 145 талеров или 580 фр. <...> За квартиру в месяц 30 фр., всего — 270 фр. За завтрак, обед и ужин в месяц 115 фр., всего — 1035 фр. За мытье белья в месяц 3 фр., всего 27. За чищенье сапог в месяц 3 фр., всего 27. За свечи в месяц 4 фр., всего 24. За дрова 45. За наем прачки — 12. За две пары сапогов — 80. За шляпу — 25. За книги — 150. Лекарь — 300. За лекарства — 200. Итого 2195 франков» [7, л. 6–6 об.].

К сожалению, суммы в отчетах указываются в разной национальной монете, что при меняющемся курсе, инфляции многих валют, в том числе русского рубля, затруд-

няли расчеты как для тех, от кого зависело определение размеров содержания профессорантов, так современного исследователя.

Бытовые расходы «академических путешественников»: на квартиру, стирку и починку белья, на питание, лекаря и даже на «дозволенные развлечения» в сравнении с дорожными издержками и оплатой научных занятий, были весьма скромными. По описаниям видно, что новая одежда и обувь приобреталась лишь в случае крайней нужды и русские стипендиаты, с юных лет привыкшие к ограничениям, жили в Европе настоящими аскетами.

Однако сложнее всего было возвратиться домой. Н. И. Бутырский обращался к члену Конференции института с подробнейшим отчетом и просьбой о присылке денег на обратную дорогу: «В последний раз, если не ошибаюсь, дерзаю утруждать слух ваш, без сомнения уже утомленный нашими просьбами в течение целых почти трех лет» [10, л. 3]. Министерству при посредничестве дипломатических агентов пришлось пересылать ему и другим деньги на дорогу, а также возмещать сделанные ими долги, правда, ссуда была произведена «заимобразно» — в счет будущего жалования. В то же время стипендиаты привезли с собой в Россию не только книги, ученую корреспонденцию, но и некоторые дорогостоящие приборы и коллекции, приобретенные за границей по собственной инициативе или по поручению Института. В этом отразился их профессиональный взгляд на будущее преподавание. При этом никаких дорогих приобретений для себя они не сделали. В реестре ввозимых личных вещей, составленном для таможи, отмечались только «старый фрак», вывезенный еще из России, бритвенный прибор, сапоги и т. п.

В течение 1811 г. все профессоранты, кроме Воронковского, вернулись из чужих краев. Конференция Педагогического института устроила для каждого из них индивидуальные «испытания» по разным предметам — в общем собрании профессоров и академиков Академии наук (по типу экзаменования в XVIII в. при Академическом университете вернувшихся из-за границы) [11]. Если студент претендовал на «высшую степень» адъюнкта, то держал испытание, отвечая на 6 вопросов «первой важности» из каждой науки: 3 устно и 3 письменно. Если не претендовал — зачислялся магистром без испытаний [6, л. 277–282]. Соискателю должности адъюнкта затем полагалось прочесть публичную лекцию и представить диссертацию из своего предмета. Притом, как сказано в инструкции об испытаниях, «выдержавший испытание на степень адъюнкта не подвергается уже вторичному экзамену на докторское достоинство, если возводить в оное Педагогический институт получит право» [6, л. 287]. Таким образом, познания профессоранта признавались адекватными *докторской* степени, получение которой было бы обеспечено при ожидаемом преобразовании Института в университет. Эта процедура еще раз говорит о том, что целью пребывания за границей русских профессорантов было приобретение познаний, а не дипломов и степеней европейских университетов.

В течение нескольких месяцев после возвращения все молодые люди выдержали испытания на степень магистра в самом Институте и рассчитывали представить диссертационное сочинение, подготовленное в Европе. 13 августа 1811 г. попечитель С.-Петербургского учебного округа С. С. Уваров уведомлял министра о том, что Конференция Академии наук и Педагогический институт, произведя испытание Куницыну, Карцову и Кайданову, словесное и письменное, а также в виде «пробных лекций», «признали их «достойными степени адъюнкт-профессоров, Куницына по нравственным наукам, разумея под оными философские и политические, Карцова по физико-ма-

тематическим, а Кайданова по историческим». По просьбе С. С. Уварова они были утверждены в должности адъюнктов сразу, до представления диссертаций [6, л. 287–288].

Возвращение стипендиатов Педагогического института совпало с резким ухудшением международной обстановки накануне войны с Францией. Поэтому в 1811–1816 гг. правительство сочло за лучше готовить магистрантов из второго и третьего выпусков института на месте. Так, магистрами, не выезжая за границу, стали К. И. Арсеньев, Т. О. Рогов. Через 3–4 года и они получили должности адъюнктов.

Командировка в Англию педагогов (1816–1819). В 1816 г. в связи с реорганизацией Педагогического института и переходом на двух уровневую систему подготовки учителей (отдельно для гимназий и для низших — уездных и приходских училищ) возник новый план: послать в Англию несколько человек для обучения методике взаимного обучения по Дж. Ланкастеру. В Англию были отправлены Ф. Буссе, К. Свенске, М. Тимаев и А. Ободовский [12]. В Педагогическом институте к тому времени изучались английский язык и педагогика, так что в этом случае подготовка педагогов-методистов за границей приобретала ознакомительно-утилитарный характер. Она продолжалась более двух лет, молодые люди знакомились с постановкой преподавания в закрытых школах Англии, о чем сохранилось составленное ими любопытное описание в форме «журнала путешествия» [12, л. л. 91–99 об.; 104–110]. Студенты посетили в Лондоне одну из центральных школ для обучения по методу Ланкастера, открытую для детей аборигенов Новой Зеландии, Сьерра-Леоне и других британских колоний. Побывали они, между прочим, и в институте знаменитого швейцарского педагога Песталоцци, где также разрабатывались новые методы преподавания элементарных предметов. Чиновник российского посольства в Англии И. Штрандман, под наблюдение которого поступили четверо стипендиатов, сообщал уже через несколько месяцев о «чудесных успехах» молодых людей, в частности, о том, что уже через три месяца пребывания в Англии они оказались «способны обучать детей англичан отечественному их языку» по новой методе Ланкастера [12, л. 35]. С успехами этой группы внимательно знакомился сам император Александр I, которому министр народного просвещения пересылал донесения Штрандмана. Идея распространения нового педагогического метода на Россию нашла отражение в официальной газете «Le conservateur impartial», которая опубликовала донесение об успехе стипендиатов Педагогического института и цели их поездки в Англию [13, р. 106].

По возвращении Буссе, Свенске и Ободовский заняли вакансии в Учительском институте, который был преобразован из младшего отделения (2-го разряда) Главного педагогического института и существовал при С.-Петербургском университете два года (1819–1820), стали авторами сочинений по дидактике, методике преподавания (в том числе в школах взаимного обучения), учебников для уездных и начальных училищ по арифметике (Ф. И. Буссе), всеобщей географии (А. И. Ободовский), всеобщей истории и русской грамматике (М. М. Тимаев).

В 1819 г. предполагалось послать в Европу еще одну партию стипендиатов от Главного педагогического института (фактически уже университета) — Сергеева, Тимковского, Павла и Сергея Максимовичей. Но эта акция не состоялась, видимо, из-за опасений правительства перед ростом либеральных и революционных движений в Европе.

Как сложилась судьба первого поколения европейских стипендиатов Петербургского университета? Трех из них удалось стать уже в 1811–1816 гг. профессорами Царскосельского лицея, А. П. Куницын при этом совмещал кафедру нравственных наук

в Лицее и кафедру естественного права в университете. Однако удачная карьера ждала не всех. Известна судьба А. П. Куницына, удаленного из университета по решению Главного правления училищ в 1820 г. Вместе с тем была запрещена его книга «Естественное право» (1819; 1820 — 2-е изд.), по которой он читал лекции в университете и Царскосельском лицее. Через год после этого оставить преподавание в университете и гимназии был вынужден М. Г. Плисов. Философ А. И. Галич был замешан в инспирированное Д. П. Руничем «дело профессоров» 1821 г. и также уволен из университета.

Слабое здоровье не позволило полностью реализовать свои познания и способности зоологу А. В. Ржевскому. Уже в 1817 г. он просил отставки по болезни. Правда, по возвращении в 1819 г. в реорганизованный университет Ржевский служил еще до 1833 г., затем был уволен окончательно в ходе кадровой реформы С. С. Уварова. Увольняться Ржевский не хотел, хотя к тому времени явно «отстал» от науки, но министр добился его согласия на увольнение, обещая ему полный пенсион.

Историк Н. К. Кайданов и математик Я. И. Карцов предпочли службу в привилегированном Царскосельском лицее, первый из них снискал известность как автор учебников по отечественной истории.

Мы имеем редкую возможность оценить внешний облик некоторых из названных лиц и даже отношение к ним воспитанников, основываясь на шаржированном рисунке, сделанном сокурсником Пушкина по лицее А. Д. Илличевским. На карикатуре «Профессора, ищущие места у А. Разумовского» изображены среди других А. П. Куницын, И. К. Кайданов и Я. И. Карцов. Показательно, что любимый лицеистами А. П. Куницын на этом рисунке держится независимо (но он уже с орденом в петлице), а вот Кайданов всем своим видом «ищет расположения» министра, обращаясь к нему с какой-то бумагой.

Успешно сложилась университетская карьера Дмитрия Семеновича Чижова, специализировавшегося в чистой математике. Питомец Кашинской духовной семинарии и Педагогического института, он отбыл «в чужие края» 23 июня 1808 г. и провел там три с половиной года. По возвращении и окончании «испытаний» Д. С. Чижов был на-

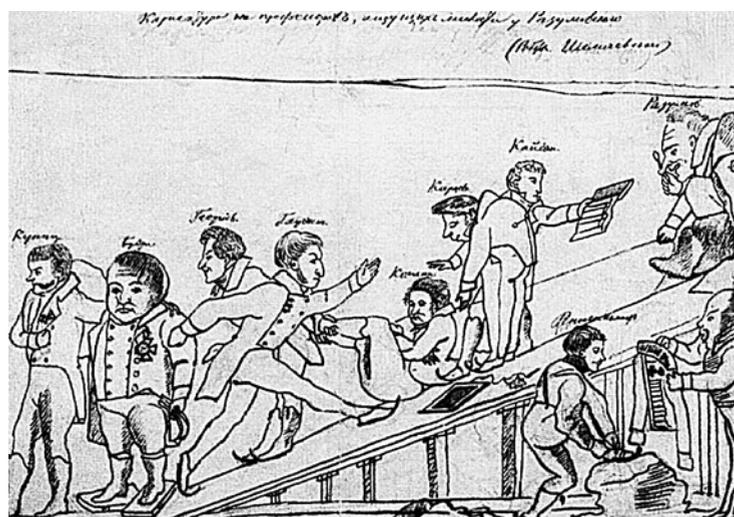

Рис. 1. Профессора Царскосельского лицее. Карикатура А. Илличевского. 1811

значен в 1812 г. адъюнктом, в 1816 г. — профессором чистой и прикладной математики в Педагогическом институте и занимал эту кафедру около 30 лет [14]. Одновременно Д. С. Чижов преподавал математику в Институте корпуса путей сообщения и на публичных курсах при университете. В 1819 г. он избирается первым деканом физико-математического факультета, в 1826 г. членом-корреспондентом Императорской Академии наук, а в 1828 г. — действительным членом Российской академии. Наиболее популярное его сочинение — «Записки о приложении начал механики к исчислению действия машин наиболее употребительных» (СПб., 1823). Современники отмечали в Чижове не только высокий профессионализм, но и мягкий характер, и отсутствие карьеризма. Не случайно он четыре срока подряд избирался деканом факультета, а в 1840 г. получил наибольшее количество избирательных голосов при выборах ректора.

Рис. 2. Д. С. Чижов

Ректором Д. С. Чижов, однако, не стал, поскольку не хотел противостоять своему конкуренту — историку И. П. Шульгину, близкому ко двору, за которым явно чувствовался «административный ресурс». Он подал прошение о невозможности исполнять ректорскую должность по слабости здоровья и ... занятости преподаванием. В 1846 г. после 35-летнего преподавания Д. С. Чижов был отправлен в отставку, несмотря на еще крепкое здоровье. Этого требовали формальные требования к ротации кадров, установленные С. С. Уваровым. Умер Д. С. Чижов 67 лет, 26 мая 1852 г., и был погребен на Смоленском православном кладбище. За его вдовой была сохранена пенсия мужа.

Со временем менялись условия научных стажировок, их локализация, цели, финансовое обеспечение, массовость. Успешным был опыт подготовки русских правоведов за границей в 1829–1833 гг., инициированный М. М. Сперанским и начавшийся именно с их целенаправленной подготовки в стенах Петербургского университета. В эти же годы было положено начало командировок магистрантов, специализирующихся в области естественных наук, истории, финансов. В 1828 — начале 1830-х годов подготовка профессорантов для всех русских университетов велась в специально открытом Дерптском профессорском институте.

Впоследствии «академические путешествия» организуются уже в индивидуальном порядке, а не «серийно», превращаясь в более краткосрочные и направленные научные командировки. После европейских революций 1848 г., с наступлением «мрачного семилетия» и утверждения политического изоляционизма в качестве государственной доктрины, и вплоть до 1856 г. академические путешествия прерываются.

С точки зрения профессиональных и жизненных траекторий, подготовка русских профессоров за границей изменялась от классического «академического путешествия», когда кандидат мог по согласованию с направившим его университетом изменить местопребывание, расширить список прослушанных курсов и авторитетных консультантов, разработать дополнительное направление научной подготовки — к более прагматичному и краткому путешествию с целью подготовки и написания научной работы по заранее определенной теме. Эта практика стала почти обязательной во

второй половине XIX в. как для представителей точных и естественных наук, так и для гуманитариев и способствовала все более тесному включению российских университетов в общеевропейское интеллектуальное пространство. В середине 1830-х годов в науку вступило новое поколение русских профессоров, имевшее европейский кругозор и отчасти усвоившее европейские стандарты корпоративного поведения. Но и в первом поколении русских профессорантов-европейцев Петербургского университета уже заметны черты, отличавшие их от поколения их наставников, не выезжавших из России и получивших образование в Учительской семинарии: широкий кругозор, научная активность, высокая самооценка и чувство достоинства, свободомыслие. Это отражается как во внутрикорпоративных отношениях и конфликтах, так и в научной и преподавательской деятельности.

Отличие «академического путешествия» россиян в XIX в. от обычного для европейских студентов перемещения из одного университетского города в другой состояло в подконтрольности научных миграций, их финансировании государством, нацеленности профессорантов на научную карьеру по конкретной специальности. Уже в 1830-е годы они включались в научные исследования за границей под руководством своих консультантов. Условием их пребывания в Европе было обязательное возвращение на родину. В целом в это время система подготовки российских профессорантов не только отвечала потребностям расширения преподавания в российских университетах, но и соответствовала уровню европейской науки. Недаром ни один из стипендиатов в своей переписке с Петербургом не жалуется на невозможность «понимать» преподавание иностранных ученых и не требует дополнительных инструкций, предметом переписки чаще всего является прибавка к определенному министерством денежному содержанию и продление срока стажировки.

Источники и литература

1. Андреев А. Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII — первой половины XIX века. М.: Знак, 2005. 442 с.
2. Соболева Е. В. Стажировка университетов в Германии в 1860–1870-е гг. // Очерки по истории С.-Петербургского университета. Вып. 8. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. С. 160–178.
3. Жуковская Т. Н. «Императорский университет»: система высочайшего вмешательства в жизнь университетов в первой половине XIX в. // Власть, общество и реформы в России в XIX — начале XX века. Исследования, историография, источниковедение. СПб.: Лики России, 2009. С. 74–89.
4. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее: ЦГИА СПб). Ф. 139. Оп. 1. Д. 231: Об отправлении студентов Педагогического института в чужие края.
5. Сборник постановлений по министерству народного просвещения. Т. 1. Время Александра I. 1802–1825. 2-е изд. СПб.: Типогр. В. С. Башева, 1873. 1864+43+44 стб.
6. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 20. Д. 61.
7. ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 809.
8. ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 789.
9. Жуковская Т. Н. Университеты в годы наполеоновских войн // Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX вв.: европейские традиции и российский контекст. Труды международной научной конференции 23–25 июня 2009 г. / отв. ред. А. Ю. Дворниченко, И. Л. Тихонов. СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2009. С. 22–37.
10. ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 754.
11. ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 878.
12. РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 174.
13. Le conservateur impartial. 1817 г. N 19. 6(18) mars.
14. РГИА. Ф. 733. Оп. 24. Д. 733

Статья поступила в редакцию 20 февраля 2012 г.